

Посвящается Кайли Айзек —
самой потрясающей племяннице,
остроумной и удивительно одаренной
молодой девушке

Вы ждали, вы всегда ждете — молчаливые
и прекрасные посланники.

Уолт Уитмен «Бруклинский паром»

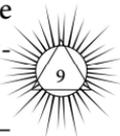
Пролог

Нью-Йорк, 1880 год

Ох, они мягкие, такие мягкие... и такие красивые — упругие, как капли дождя, их тела округлые, а кожа белая, как фарфор.

Но он знал, что они были сущим злом — Иезавель, Саломея и Далила, каждая из них. Они привлекали мужчин сладостным пением сирен, заманивая их в ловушку порочными способами: либо утаивали от путников свои намерения, либо позволяли им вкусить райского блаженства, убаюкивая своих жертв до забвения, пока не становилось слишком поздно. Они были подобны паукам, а мужчины были всего лишь несчастными насекомыми, тщетно пытающимися выбраться из их сладкой, липкой паутины. Их красота была самым коварным оружием в арсенале ловушек, предназначенных для заманивая в сети и контролирования податливой добычи.

Он задумчиво поглаживал белоснежный мех Клео — его любимой кошки персидской породы, пока смотрел

в окно на туманный вечер позднего лета. Она замурлыкала и потянулась от его прикосновения, выгнув свой гибкий позвоночник и задрожав от удовольствия.

— Ах, Клео, — сказал он, — ты ведь никогда не предашь меня, правда?

Она посмотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами, дергая кончиком хвоста.

Небо снаружи потемнело, когда над городским пейзажем проплыло густое серое облако. Порыв ветра расшевелил листья на дереве, стоящем рядом с окном; те затрепетали, а затем замерли. Они напоминали ему муху, попавшую в паутину, из последних сил сопротивляющуюся неминуемой судьбе. Сделав глубокий вдох, он почувствовал, как воздух проникает в легкие, наполняя его тело энергией. Он поклялся никогда не оказываться на месте этих мух — ни в роли жертвы, ни в роли объекта охоты.

Вместо этого он станет охотником.

Глава 1

Элизабет ван ден Брук выбежала из своего многоквартирного дома, расположенного на 18-й Ист-стрит, в такой спешке, что успела пробежать целый квартал, прежде чем тяжелая входная дверь закрылась за ней. Было почти восемь часов, и она вновь проспала. Прошло меньше недели с тех пор, как она поселилась в Стайвесанте, отчего почти каждую ночь не спала, распаковывая и раскладывая вещи. Девушке повезло, что ей удалось снять комнату в этом здании — первом в своем роде в Нью-Йорке. Его построили десять лет назад, в 1870 году, и он стал первым в городе жилым комплексом во французском стиле, который ранее состоял только из многоквартирных домов и таунхаусов. У района Стайвесант была отличная репутация, поэтому заботящаяся о своем статусе мать Элизабет потянула за определенные ниточки, чтобы снять для нее там квартиру.

Порыв ветра подхватил шляпу Элизабет и едва не сорвал ее с головы. Свободной рукой она прижала ее обратно, другой сжимая свой драгоценный портфель. Мама всегда упрекала ее за то, что она использо-

вала мало шпилек для прически на своих каштановых волосах. Те были густыми, грубыми и с непослушными кудрями, с которыми часто было трудно справиться. На этот раз она с грустью поняла, что мама была права. Придерживая шляпу на голове, она неуклюже побежала, повернув на Ирвинг Плейс ко входу железнодорожной станции на Третьей авеню, с которой доберется на поезде до работы в издательстве «Нью-Йорк геральд».

Будучи единственной женщиной-репортером газеты, Элизабет отчаянно хотела произвести хорошее впечатление. Подходя ко входу железнодорожной станции, она на секунду задумалась о том, чтобы вызвать кеб, но пришла к выводу, что в это время даже самые быстрые лошади, вероятней всего, будут двигаться медленно. А трамваи, как известно, часто застревали в пробке. Нет, подумала она, пусть поезд шумный, грязный и вонючий, но ей лучше воспользоваться транспортом высоко над землей в печально известный час пик.

На 14-й улице уже кипела жизнь. В этот час город был наполнен движением. Пешеходы боролись с кебами, повозками, каретами и гужевыми трамваями, проходящими по западно-восточному маршруту. Маленькие мальчики с неподдельной смелостью бросались прямо перед встречными машинами, пока их матери выкрикивали слова предостережения своим безрассудным отпрыскам. Собаки лаяли. Лошади скакали рысью. Родители кричали на своих детей. Хорошо одетые бизнесмены вызывали кебы. Торговцы на тележках предлагали свой товар, используя множество лестных фраз. Городские власти неодобрительно относились к уличным торговцам из-за чрезмерного уровня шума в городе, поэтому они, как правило, собирались возле

определенных железнодорожных станций и паромных портов. Станция на 14-й улице была золотой жилой для продавцов, поскольку в час пик через нее проходили тысячи потенциальных клиентов. Продавцы устриц соревновались за внимание прохожих с торговцами старья, кукурузы и другими торговцами.

— Устри-т-цы! Дорогуша, попробуй свежие устри-т-цы!

— Ветошь, шмотки, старые тряпки! Старье! Старое тряпье! Любо-о-е тряпье на ваш выбор!

Тонкий женский голос перебивал более низкие мужские голоса:

— Горячая кукуруза, горячая кукуруза, такая горячая! Только что достали из кипящего котла!

Девочка с чумазым лицом, продававшая кукурузу, была юной — слишком юной, подумала Элизабет. Ей было не больше десяти лет. Несмотря на то что Элизабет опаздывала, она вложила в грязную руку девочки монету в пять центов. Откинув в сторону прядь запутанных волос, ребенок в замешательстве уставился на нее.

— Две кукурузы стоят один цент, мисс.

— Я возьму одну.

— Но, мисс...

— Сдачу оставь себе.

Глаза девочки округлились от удивления, когда она протянула Элизабет початок жареной кукурузы в мохнatom зеленом колосе.

— Спасибо, — произнесла Элизабет. Она знала, что лучше не давать девочке больше — любые лишние деньги в любом случае окажутся в кармане ее «куратора». Девочки, продающие горячую кукурузу, отличались

от проституток только тем, что были моложе и (надеюсь) не сексуально доступны. В остальном их жизни были похожи — они находились в рабстве у мужа или сутенера, столь отчаявшегося и бедного, что не приходилось надеяться на лучшую жизнь.

Осторожно переступая через кучи конского навоза, Элизабет пробиралась сквозь толпу к железнодорожной станции «Третья авеню». Перед входом выстроилось несколько экипажей, извозчики были одеты в длинные темные пальто и цилиндры. Управлять экипажем — запряженной резвой лошастью, принадлежавшей породе, выведенной специально для подобной работы, было тяжело и зябко. Особенно в плохую погоду. Конные повозки, безусловно, были самым популярным видом транспорта, поскольку требовалось, чтобы кучер сидел снаружи, подвергаясь воздействию непогоды, в то время как его пассажиры наслаждались комфортом и уютом внутри несколько тесного салона. Элизабет взглянула на небо — солнце уже скрылось за грозовыми тучами. День был теплый, но вскоре извозчикам придется укутаться в их длинные пальто, если хмурые грозовые тучи принесут ливень, который предвещают.

Проходя мимо извозчиков, она слышала, как те рекламировали свои услуги хриплым голосом, огрубевшим от непогоды и выпивки.

— Кеб, кеб, кеб!¹

Один из них поймал взгляд Элизабет и приподнял цилиндр, широко улыбаясь. Его зубы были цвета переваренной печенки, с серыми пятнами, вероятно, из-за многолетнего курения дешевых сигарет. Он носил по-

¹ В XIX веке в Америке так называли наемные экипажи.

трепаннные матерчатые перчатки с отрезанными пальцами, чтобы было легче давать сдачу, когда клиенты оплачивали проезд.

— Кеб, мисс? — сказал он, слегка поклонившись. Выговор не оставлял сомнений в его происхождении из рабочего класса. Нью-Йорку нравилось позиционировать себя как город возможностей, но было достаточно провести в нем один день, чтобы понять, что это все вымысел.

— В другой раз, спасибо, — ответила она, отводя взгляд. Мама постоянно предупреждала ее, чтобы она «вела себя как леди», а леди было не положено отвечать на взгляды незнакомых мужчин, даже если те пытались ей что-то продать. Она, разумеется, не пялилась на них — хотя Элизабет, одержимая ненасытным любопытством, часто пренебрегала этим правилом, особенно когда ее матери не было рядом, чтобы сделать ей замечание. Теперь же, будучи журналисткой, Элизабет считала своей обязанностью следовать своему любопытству, куда бы оно ее ни привело. И если это сопрягалось с разглядыванием мужчин, то так тому и быть.

Поднимаясь по лестнице на железнодорожную платформу, она тесно прижалась к толпе людей, идущих вместе с ней вверх по ступенькам. Элизабет улыбнулась, подумав, что ее мама предпочла бы, чтобы она взяла кеб — еще одна причина, по которой ей нравилось пользоваться общественным транспортом. Ступив на платформу наряду со своими согражданами, она словно наяву услышала протесты матери: «Это нелепо. Ты же знаешь, твой отец может позволить себе оплатить кеб. Ты просто упрямышься».

Втиснувшись в третий вагон, зажатая между сотрудниками юридических контор, офисными служа-